

ского государства (229—160 гг. до н. э.)»⁹. Второй консулат Л. Эмилия Павла, говорит автор, способствовал существенной переориентации во внешней римской политике: наступление на Восток (Сирия и Египет), хотя важнейшей проблемой продолжала оставаться война против Персея (Македония). Победа под Пидной увенчала славою не только победителя Луция Эмилия Павла, прозванного Македонским, но и разрушителя Карфагена П. Корнелия Сципиона Эмилиана. Победа над Македонией, делает обоснованный вывод автор, поставила на карту судьбу Селевкидского государства и Египта.

Риму эпохи Пунических войн и его состоянию в последующие годы посвящена монография К. Христа «Кризис и падение Римской республики»¹⁰. Ученый несколько преувеличивает роль государственных деятелей: Сципионов, Катона, Гракхов, Гая Мария и др., определявших, по его мнению, внутреннюю и внешнюю политику Рима (с. 7). Ганнибалову войну он считает началом кризиса Республики. В связи с этим К. Христ вступает в полемику с историками-марксистами, отстаивая мнение, что кризис Республики возник не вследствие внутренней классовой борьбы (социальной революции), как трактуют историки-марксисты, а как результат простой смены политических форм власти — республики империей.

Итак, западногерманская историография античности за последние два десятилетия внесла существенный вклад в дальнейшую разработку актуальнейших проблем истории войн Рима с Карфагеном. Тщательное исследование сложных вопросов предыстории событий и хода военных действий, деятельности высшего органа власти сената, отношения некоторых общин италийцев к войне, положения Рима и Карфагена в период между войнами — все это стало достоянием не только историографии ФРГ, но и мировой античной науки.

¹ См.: Heuss A. Der erste Punische Krieg und das Problem des römischen Imperialismus (Zur politischen Beurteilung des Krieges). Berlin, 1970.

² См.: Schwarte K.-H. Der Ausbruch des Zweiten Punischen Krieges: Rechtsfrage und Überlieferung. Wiesbaden; Steiner, 1983.

³ См.: Bellen H. Metus Gallicus — metus Punicus: zum Furchtmotiv in der römischen Republik // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1985. № 3.

⁴ См.: Faber G. Auf den Spuren von Hannibal. München, 1983.

⁵ См.: Tammler Y. Der römische Senat in der Zeit des zweiten punischen Krieges (218—201). Bonn, 1977.

⁶ См.: Unger-Sternberg J. Capua im zweiten Punischen Krieg: Untersuchungen zur römischen Annalistik. München, 1975.

⁷ См.: Burck E. Silius Italicus: Hannibal in Capua und die Rückeroberung der Stadt durch die Römer // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1984. N 13.

⁸ См.: Tränkle H. Cato in der vierten und fünften Dekade des Livius // Abhandlungen der Geistes und socialwissenschaftlichen Klasse. Wiesbaden, 1971. N 4.

⁹ См.: Meissner E. Livius Aemilius Paullus Macedonicus und seine Bedeutung für das Römische Reich (229—160 v. Chr.). Bischberg / Oberfranken, 1974.

¹⁰ См.: Christ K. Krise und Untergang der Römische Republic. Darmstadt, 1979.

А. А. ЛЕВШЕВИЧ

АДРИАНОПОЛЬСКИЙ МИР И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДУНАЙСКИХ КНЯЖЕСТВ

2(14) сентября 1829 года Турция и Россия подписали Андрианопольский мирный договор. Статья пятая договора восстанавливала и расширяла автономные права Дунайских княжеств. Им предоставлялась «свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли» с окружающим миром. В развитие этих положений к основному тексту договора прилагался особый акт «Об утверждении преимуществ для княжеств Молдовы и Валахии». Автономные права двух этих придунайских государств были не только детально изложены, но и стали объектом международного права, получили гарантию в акте большого значения и ответственности. В нем оговаривалось освобождение жителей от обременительных поставок сырья и продовольствия для Константинополя по произвольно назначавшимся и значительно заниженным турецкими властями ценам. Вместо этого они вносили в казну раз и навсегда зафиксированную дань. Порта запрещала пашам окружающих княжества

вилайтесь под каким угодно предлогом вмешиваться в их внутренние дела. «Для вящего обеспечения неприкосновенности земель молдавских и валахских» Порта обязывалась «не оставлять за собою на левом берегу Дуная никакого укрепленного места и не позволять мусульманским своим подданным иметь какие-либо на оном заведения». Крепости Брэла, Джурджу и Турну, контролировавшие путь по Дунаю и обеспечивавшие «покорность» валахов и молдаван, подлежали срытию; турецкое население левого бережья должно было покинуть местожительство и в течение восемнадцати месяцев выехать на правый берег, продав свое недвижимое имущество местным уроженцам. К Молдове и Валахии отходила немалая территория — почти 230 тыс. га, и они получали две лучшие гавани на Дунае. Порта заранее обязывалась признавать все реформы, которые будут проводиться в княжествах. В Молдове и Валахии после более чем столетнего перерыва возродились национальные вооруженные силы, получившие название «Земского войска»¹.

Против условий договора открыто протестовал лишь Лондон. В Вене они были восприняты кисло, но Меттерних выражать неудовольство ими не осмелился. Французский министр-президент Полиньяк осторожно оценил условия мира как «снисходительные».

Современные историки Республики Румынии отмечают, что Адрианопольский трактат с его последствиями составляет эпоху в экономической жизни княжеств, что он также в значительной степени способствовал складыванию экономических предпосылок для последующего объединения Молдовы и Валахии.

После заключения Адрианопольского мира временная русская администрация во главе с генералом П. Д. Киселевым при участии комиссий, состоявших из крупных бояр, выработала для Дунайских княжеств конституции, которые известны под названием Органических регламентов. Это были первые в истории Валахии и Молдовы конституционные акты, определявшие государственный, административный, юридический статут княжеств, финансы, вооруженные силы, аграрный строй, положение различных классов молдово-валахского общества. Не без воздействия русских властей, стремившихся в максимальной степени отделить княжества от Стамбула, в Молдове и Валахии были введены почти идентичные законодательства. Тем самым делался шаг к объединению княжеств, желательность которого признавалась в регламентах: «Нельзя отрицать благодетельность результатов, которые принесло бы объединение этих двух народов»².

Сами же регламенты — документы глубоко противоречивые. П. Д. Киселев и его сотрудники сознавали необходимость нововведений в Валахии и Молдове, но, будучи выразителями интересов русского царизма, опирались в княжествах на крупное боярство. Поэтому в регламентах нашли отражение главным образом интересы боярства. И это совершенно отчетливо проявилось в важнейших разделах регламентов, посвященных аграрному вопросу.

По-прежнему тяжелым оставалось положение сельских тружеников. Регламенты предусматривали возможность получения земельного надела в зависимости от количества имевшегося в хозяйстве рабочего скота: в Молдове 3,4—7,7 га, а в Валахии 2,2—2,4 га. Причем в состав надела входили луга и приусадебные участки. Мелкие собственники за предоставляемую землю должны были исполнять повинности в пользу помещиков. Сохранялись 12 барщинных дней в году. Однако «урок» каждого дня был настолько насыщен сельскохозяйственными работами, что, как совершенно справедливо заметил К. Маркс, хорошо изучивший аграрные отношения в Дунайских княжествах, «ни один циклоп не справился бы с ним в сутки»³.

В Валахии и Молдове существовала также издольщина («диджма»). Кроме того, крестьяне были вынуждены выполнять различные виды повинностей. Наряду с отработками за землю существовали и другие их виды: в счет погашения долга, за процент по долгу. Рассматривая отработки в счет долга, В. И. Ленин подчеркивал, что при этой форме «особенно явственно выступает черта, свойственная отработочной системе вообще, именно кабальный, ростовщический характер подобного найма на работу»⁴. Но нельзя не отметить и то, что, сильно увеличив повинности крестьян в пользу помещиков, регламенты сократили существовавшие ранее поборы в пользу государства. Работа на бояр возросла в Молдове в 1,3 раза, в Валахии — 2,5 раза. Государственные же налоги, вносимые крестьянами, уменьшились в 1,4—1,7 раза.

Таким образом, регламенты изменили формы, но не сущность аграрных отношений в Дунайских княжествах. Сохранение многочисленных пережит-

ков феодальных отношений в деревне имело своим следствием примитивные приемы обработки земли, невысокую урожайность в крестьянских хозяйствах. Нередко в деревнях не хватало даже простейших сельскохозяйственных орудий. Отсутствие медицинской помощи влекло за собой высокую смертность. Уделом большинства крестьян были темнота и невежество. Даже в 1889 году, по данным переписи, количество неграмотных сельских жителей достигало огромной цифры — 92,1 %.

В 30—50-х годах XIX века активно включаются в хозяйственную деятельность, используя капиталистические формы ведения сельского хозяйства, средние и мелкие бояре, которые фактически были отстранены от государственных дел в результате самоуправления небольшого количества семей «великих бояр», сосредоточивших в своих руках всю власть. Очень быстро расширились посевы пшеницы, площадь под которой вместе с занимавшей незначительные участки рожью только с 1829 по 1838 год возросла в четыре раза.

В этой связи интересно сопоставить темпы увеличения посевных площадей у землевладельцев и крестьян. У бояр, монастырей и других землевладельцев прирост посевных площадей происходил значительно быстрее, чем у крестьян. Рост крестьянских посевов происходил, вероятно, за счет предоставления земли молодым семьям. Этот процесс замедлился в 50-е годы XIX века, когда стало очевидным, что возможности развития сельскохозяйственного производства за счет экстенсивных приемов освоения новых земель уже почти исчерпаны. Возникла потребность в более прогрессивных методах ведения хозяйства. Следует отметить, что между Валахией и Молдовой существовали значительные различия в размерах посевных площадей и их использовании. В Молдове до Адрианопольского мира распаханность полей была более высокой, чем в Валахии, а близость валашских земель от дунайских портов содействовала большему усилению эксплуатации крестьян, чем в Молдове, где освоение новых земель замедлилось. Более того, с 1829 по 1862 год площади под посевы в Валахии увеличились в 2,4 раза, а в Молдове только в 1,6 раза. Причем в Валахии наблюдался довольно ощутимый прирост зерновых, что объяснялось применением наемного труда, более совершенных сельскохозяйственных орудий. Общая площадь обрабатываемой земли в Дунайских княжествах к 1859 году достигла 2200 тыс. га, что составило 17,7 % их территории.

В рассматриваемый период наблюдается постепенный рост городов. Удельный вес городского населения Валахии и Молдовы достиг в 1859 году 14,8 % всего населения. За 15 лет, с 1832 по 1847 год, число ремесленников в Молдове увеличилось с 5 до 12 тыс., а в Валахии с 14,7 до 17—18 тыс. Самой распространенной формой капиталистического предприятия здесь была простая кооперация. Из добывавшихся в Дунайских странах полезных ископаемых наибольшее значение имела разработка каменной соли. В 1832 году на соляных разработках работало 1200 рабочих, добывших 45 тыс. т соли. Однако даже в 50-е годы промышленная продукция составляла незначительную часть по сравнению с сельскохозяйственной. Развитию капиталистических отношений мешали пережитки феодализма, таможенное влияние Турции, сказывалось отсутствие развитого кредита. Слабо развиты были пути сообщения.

С 30-х годов XIX века усиливается интерес к Молдове и Валахии со стороны французских предпринимателей. В целях упрочения своего влияния Франция учредила консульство в Галаце. Французские путешественники, писатели, дипломаты отмечали, что княжества — это тот уголок Оттоманской империи, где французский капитал смог бы обосноваться с наибольшей для себя выгодой. Интересны в этом отношении записки, составленные французскими дипломатами. Они содержат немало сведений о ресурсах княжеств, о лесах и реках, плодородных землях. В 1842 году французы построили в Яссах лесопильный завод и фабрику клепки, продукция которых вывозилась во Францию. Расширение французской торговли с Дунайскими княжествами преследовало цель — подорвать в них русское и австрийское влияния и укрепить положение Франции. Упрочению влияния Франции благоприятствовал ее высокий авторитет среди представителей господствующих классов и интеллигенции. Однако вложения в промышленность княжеств еще не имели большого значения для французских капиталистов, предпочитавших другие пути извлечения прибылей. Хотя проникновение французского капитала ускорило развитие производительных сил, оно имело в конечном счете негативные последствия для Валахии и Молдовы. Фран-

цузские капиталисты получили возможность оказывать все более заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Бухареста и Ясс.

Значительно быстрее, чем промышленность, развивалась торговля. Важную роль в торговых операциях играли порты Галац и Брэила. К середине XIX века Молдова и Валахия становятся одними из крупнейших экспортеров хлеба в Европе, создавая сильную конкуренцию России. По свидетельству Э. Реньо, зерно, привозившееся из Одессы, стоило в Марселе 22 руб., а доставленное из Брэилы лишь 18 руб.⁵

Органические регламенты утверждали сравнительно стройную систему налогов. Был наведен определенный порядок в запутанных финансовых делах княжеств. Впервые в их истории ставится вопрос о создании Национального банка. Крупный специалист по истории экономики Румынии Т. Аслан отмечал, что регламенты осуществили на практике великий принцип современной финансовой науки.

Таким образом, Адрианопольский мир позволил провести в Дунайских княжествах реформы, необходимость в которых давно назрела. Уничтожение внутренних таможен, полная свобода торговли с границей, покровительственные меры местным предпринимателям, упорядочение сбора налогов — все это содействовало подъему производства. Чрезвычайно большое значение имел данный период для сближения Валахии и Молдовы. Общее управление, отмена таможенных границ, принятие фактически одинаковых для обеих княжеств законов, дальнейшее развитие автономии содействовали решению вопроса о Дунайских княжествах как составных частях будущего румынского государства. Их экономика крепла с каждым годом, осваивались новые земли, росли сборы урожая, развивалась торговля и промышленность. Но успехи могли бы быть и более значительными, если бы Валахии и Молдове не препятствовали многочисленные феодальные пережитки и вмешательство иностранных держав.

¹ См.: Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983. С. 257—258.

² Краткая история Румынии. М., 1987. С. 164.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 249.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 192.

⁵ См.: Regnault E. Histoire politique et sociale des Principautés Danubiennes. Paris, 1855. P. 21.

Г. А. КОСМАЧ

ТАКТИКА ПРАВЯЩИХ БУРЖУАЗНЫХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД КАМПАНИИ 1925 ГОДА ПО ИЗБРАНИЮ ИМПЕРСКОГО ПРЕЗИДЕНТА

Осенью 1924 года Немецкая национальная народная (НННП) и Немецкая народная (ННП) партии, отражавшие интересы юнкерства и крупного капитала, стали настойчиво требовать смещения с поста президента Германии социал-демократа Ф. Эберта. Они организовали в конце 1924 — начале 1925 года ряд политических афер, чтобы дискредитировать рабочие партии и лично Эберта. Руководство НННП и ННП использовало разоблачение финансовых махинаций братьев Бармат и И. Кутискера, связанных с некоторыми лидерами СДПГ, для развертывания политической кампании против «еврейского барматовского духа», поразившего якобы всю веймарскую демократию¹. В ходе магдебургского судебного процесса президент Ф. Эберт был обвинен националистами в «государственной измене» как один из руководителей стачки на военных заводах в январе 1918 года. Травля Эберта со стороны правых буржуазных партий стала одной из причин его преждевременной смерти.

Уже с конца 1924 года правые партии стали подбирать кандидатуру на пост президента Германии. Центром обсуждения этих кандидатур являлся комитет Ф. В. Лёбеля — ярого консерватора, председателя Имперского гражданского совета, бывшего в 1914—1917 годах министром внутренних дел Пруссии. В комитет входили НННП, ННП, Баварская Народная партия, экономическая партия и отечественные союзы. Они не смогли объединиться на платформах таких кандидатов в президенты, как Сект, Тирпиц, и в начале марта 1925 года пригласили в комитет представителей Немецкой демократической партии (НДП) и Центра, чтобы согласовать вопрос о совместном кан-